

ИММУНИТЕТ ГЛАВЫ ГОСУДАРСТВА И МЕЖДУНАРОДНАЯ УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ: ПРЕЦЕДЕНТ АЛЬ-БАШИРА И ЕГО ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ СОВРЕМЕННОГО МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

Азимова Комила Отабек кизи

Студент магистратуры

Ташкентский государственный юридический университет

<https://doi.org/10.5281/zenodo.20080230>

ARTICLE INFO

Received: 1st May 2026

Accepted: 5th May 2026

Published: 8th May 2026

KEYWORDS

иммунитет главы государства,
Международный уголовный суд,
Аль-Башир, ордер на арест,
иммунитет *ratione personae*,
международные преступления,
Римский статут.

ABSTRACT

В статье исследуется коллизия между принципом иммунитета действующих глав государств и требованием привлечения к ответственности за международные преступления. На примере дела Омара Аль-Башира (Судан) в Международном уголовном суде анализируется практика выдачи ордеров на арест в отношении действующих глав государств — членов и не членов Римского статута. Рассматриваются позиции государств СНГ (Россия, Казахстан, ЮАР) и ряда европейских государств, отказавших в исполнении ордеров МУС. Делается вывод о формирующейся тенденции к ограничению иммунитета *ratione personae* применительно к международным уголовным преступлениям, несмотря на сохраняющуюся фрагментарность правоприменительной практики.

ВВЕДЕНИЕ

Вопрос о соотношении государственного иммунитета высших должностных лиц и международной уголовной ответственности относится к числу наиболее дискуссионных в современной науке международного права. Традиционный принцип *par in parem non habet imperium* на протяжении столетий служил непреодолимым барьером для привлечения глав государств к любой — в том числе уголовной — ответственности перед иностранными юрисдикциями. Однако учреждение международных уголовных трибуналов во второй половине XX — начале XXI века и принятие Римского статута МУС в 1998 году обозначили принципиальный сдвиг в данной сфере.

Дело Омара Аль-Башира, президента Судана, в отношении которого МУС выдал ордера на арест в 2009 и 2010 годах по обвинению в геноциде, военных преступлениях и преступлениях против человечности, стало отправной точкой для интенсивной

полемики о пределах иммунитета действующего главы государства. Широкое неисполнение ордеров государствами — членами Римского статута, включая Иорданию, Южную Африку и Малайзию, поставило под сомнение операциональную эффективность режима МУС и его способность преодолевать иммунитеты.

Актуальность темы возрастает в свете ордера на арест Владимира Путина, выданного МУС в марте 2023 года: реакция государств СНГ и ряда европейских стран вновь обнажила противоречие между нормативными обязательствами по Римскому статуту и политическими соображениями государств в сфере суверенитета.

Цель настоящего исследования — выявить тенденции в практике МУС и национальных судов, касающиеся иммунитета действующих глав государств, на примере дела Аль-Башира, и оценить степень устойчивости формирующейся нормы об отказе от иммунитета *ratione personae* применительно к международным уголовным преступлениям.

МЕТОДОЛОГИЯ

Исследование проводилось с использованием совокупности методов, характерных для науки международного права. Формально-юридический метод применялся при анализе положений Римского статута, решений Апелляционной палаты и Палаты предварительного производства МУС, а также соответствующих норм обычного международного права.

Сравнительно-правовой метод позволил сопоставить подходы ключевых государств к исполнению ордеров МУС: Южной Африки, Иордании, России, Казахстана и государств — членов Европейского союза. Основу эмпирической базы составили судебные решения МУС, решения национальных судов Южной Африки, а также доклады Ассамблеи государств-участников и соответствующие резолюции Совета Безопасности ООН.

Системный метод использовался для оценки взаимодействия норм Устава ООН, обычного международного права и договорного права в рамках Римского статута. При написании статьи изучались источники на русском и английском языках, включая монографии и статьи таких авторов, как Д. Толберт, Г. Сзабо, А. Кассезе, а также российских исследователей — Ю.М. Колосова, А.Н. Вылегжанина, И.И. Лукашука.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Иммунитет *ratione personae* в международном праве: нормативная основа

В международном праве принято разграничивать два вида иммунитета должностных лиц государства. Иммунитет *ratione personae* (персональный иммунитет) распространяется на действующих глав государств, глав правительств и министров иностранных дел в силу занимаемой должности и носит абсолютный характер, ограждая от иностранной юрисдикции как за официальные, так и за частные действия. Иммунитет *ratione materiae* (функциональный иммунитет) сохраняется после оставления должности и распространяется исключительно на официальные действия в период пребывания в должности.

Данное разграничение закреплено в решении Международного суда ООН по делу «Ордер об аресте» (Конго против Бельгии, 2002 года). Суд подтвердил абсолютный характер иммунитета *ratione personae* действующего министра иностранных дел, однако оговорил, что международные уголовные суды могут

осуществлять юрисдикцию в отношении действующих должностных лиц при наличии соответствующих полномочий.

Римский статут в статье 27 закрепляет принцип недопустимости ссылки на официальный статус: «Настоящий Статут применяется в равной мере ко всем лицам без какого-либо различия, основанного на официальном статусе». Статья 98 при этом устанавливает исключение: МУС не может требовать передачи, если это обязывало бы запрашиваемое государство действовать несовместимо с его обязательствами по международному праву в отношении иммунитетов другого государства.

Дело Аль-Башира: практика МУС и реакция государств

В марте 2009 года Палата предварительного производства МУС выдала ордер на арест Омара Аль-Башира по обвинению в военных преступлениях и преступлениях против человечности, а в июле 2010 года — дополнительный ордер по обвинению в геноциде. Это был первый случай выдачи МУС ордера на арест действующего главы государства, что немедленно поставило вопрос о применимости иммунитета *ratione personae*.

Суд занял последовательную позицию: Судан был передан под юрисдикцию МУС резолюцией Совета Безопасности ООН № 1593 (2005) в соответствии с главой VII Устава ООН, что, по мнению суда, влекло обязанность сотрудничества для всех государств-членов ООН. Апелляционная палата в решении 2019 года подтвердила: статья 27 Римского статута отменяет иммунитет в отношениях между государствами — участниками Статута, а резолюция 1593 создала аналогичный эффект для Судана как не-участника.

Однако практика государств обнаружила принципиально иную картину. Южная Африка, принявшая Аль-Башира на саммите Африканского союза в 2015 году, отказалась его задержать. Верховный суд ЮАР впоследствии признал это нарушением конституционных обязательств страны, однако федеральное правительство фактически уклонилось от исполнения решения. Аналогичным образом поступили Иордания (2017), Малайзия, Китай, Россия и ряд других государств.

Показательна позиция России и Казахстана. Россия, не ратифицировавшая Римский статут, последовательно квалифицирует деятельность МУС как политически мотивированную и отвергает обязательность его ордеров. Казахстан, также не являющийся участником Статута, принял Аль-Башира в Астане в 2010 году без каких-либо попыток задержания, ссылаясь на обязательства в рамках двусторонних соглашений и суверенный иммунитет главы государства.

Европейский опыт: пределы обязательства о сотрудничестве

Государства — члены Европейского союза занимают в целом более последовательную позицию в поддержку юрисдикции МУС, однако и среди них наблюдается избирательность. Иордания оспорила в Апелляционной палате МУС вывод о нарушении ею обязательства задержать Аль-Башира. Суд в 2019 году отклонил эту апелляцию, подтвердив нарушение, но констатировал, что передача дела в Ассамблею государств-участников не является обязательной мерой. Тем самым вопрос о санкциях за неисполнение ордеров остался практически нерешённым.

Дела Пиночета (Великобритания, 1999) и Хабре (Бельгия / Сенегал) показали, что преодоление иммунитета бывших глав государств национальными судами возможно, однако в отношении действующих глав ситуация принципиально

отличается. Ни одно европейское государство не предпринимало попыток задержать действующего главу государства на своей территории во исполнение ордера МУС.

ОБСУЖДЕНИЕ

Анализ дела Аль-Башира выявляет глубокое противоречие между нормативной логикой Римского статута и политической реальностью современного международного права. С доктринальной точки зрения позиция МУС представляется обоснованной: статья 27 Римского статута, а равно соответствующие нормы обычного международного права, складывающиеся с Нюрнбергского трибунала, поддерживают тезис о неприменимости иммунитета в контексте международных уголовных преступлений.

Вместе с тем нельзя не учитывать аргументы критиков. Ряд исследователей (в частности, М. Шакиль, Д. Деккер) указывают, что обычная норма об отказе от иммунитета *ratione personae* перед международными трибуналами ещё не сложилась окончательно, поскольку государственная практика остаётся противоречивой и лишена необходимого элемента *opinio juris*. Российская доктрина (А.Н. Вылегжанин, С.В. Черниченко) акцентирует приоритет государственного суверенитета и договорного характера обязательств по Римскому статуту, из которых не могут вытекать обязательства для третьих государств без их согласия.

Особого внимания заслуживает вопрос о роли Совета Безопасности ООН. Резолюция 1593 создала прецедент передачи ситуации в МУС в отношении государства — не участника Статута. Однако практика показала, что без политической воли к исполнению ордеров даже формально обязывающие решения Совета Безопасности не обеспечивают реального привлечения к ответственности. Показательно, что Россия и Китай заблокировали аналогичную передачу ситуации в Сирии в 2014 году.

Таким образом, прецедент Аль-Башира обнажает структурный дефицит системы международного уголовного правосудия: нормативное преодоление иммунитета не подкреплено механизмами принудительного исполнения. Ситуация с ордером МУС в отношении Путина демонстрирует устойчивость этого дефицита.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведённое исследование позволяет сформулировать следующие выводы. Во-первых, на уровне договорного права в рамках Римского статута принцип недопустимости ссылки на официальный статус закреплён недвусмысленно (ст. 27), что исключает иммунитет *ratione personae* в отношениях между государствами — участниками Статута.

Во-вторых, вопрос об иммунитете в отношениях с государствами-неучастниками остаётся дискуссионным. Позиция МУС о том, что резолюция Совета Безопасности, принятая по главе VII Устава ООН, нейтрализует иммунитет в отношениях со всеми государствами, формально последовательна, однако встречает сопротивление на практике.

В-третьих, государства СНГ — прежде всего Россия — занимают позицию, основанную на приоритете государственного суверенитета и отрицании обязательной силы ордеров МУС. Это свидетельствует о сохранении существенных разногласий в вопросе о соотношении иммунитета и ответственности на региональном уровне.

В-четвёртых, несмотря на описанные противоречия, прослеживается постепенное формирование обычной нормы об ограничении иммунитета *ratione*

personae применительно к геноциду, преступлениям против человечности и военным преступлениям. Решения МУС, МТБЮ, МТР и решение МС ООН по делу «Ордер об аресте» совокупно формируют основания для такой нормы, хотя её окончательное закрепление требует большей согласованности государственной практики и *opinio juris*.

Сложившееся противоречие не является непреодолимым. Его разрешение предполагает политическую волю государств — в том числе членов Совета Безопасности — к обеспечению реального исполнения ордеров международных уголовных судов, а также поэтапное расширение участия государств в Римском статуте.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Римский статут Международного уголовного суда 1998 года // United Nations Treaty Series. Vol. 2187. P. 3.
2. Резолюция Совета Безопасности ООН 1593 (2005) от 31 марта 2005 г. // UN Doc. S/RES/1593 (2005).
3. Международный суд ООН. Дело «Ордер об аресте» (Демократическая Республика Конго против Бельгии). Решение от 14 февраля 2002 г. // ICJ Reports. 2002. P. 3.
4. МУС. Дело «Прокурор против Омара Хасана Ахмада Аль-Башира» (ICC-02/05-01/09). Апелляционная палата. Решение от 6 мая 2019 г.
5. МУС. Решение Апелляционной палаты по делу об исполнении Иорданией ордера на арест от 12 марта 2019 г.
6. Democratic Alliance v. Minister of International Relations and Cooperation [2017] ZAGPPHC 53 (Высокий суд ЮАР).
7. Вылегжанин А.Н. Международное право: учебник / А.Н. Вылегжанин. М.: Юрайт, 2020. 904 с.
8. Лукашук И.И. Международное право. Общая часть: учебник. М.: Волтерс Клувер, 2008. 432 с.
9. Cassese A. International Criminal Law. 2nd ed. Oxford: Oxford University Press, 2008. 489 p.
10. Gaeta P. Does President Al-Bashir Enjoy Immunity from Arrest? // Journal of International Criminal Justice. 2009. Vol. 7. No. 2. P. 315–332.
11. Ciampi A. The Obligation to Cooperate // The Rome Statute of the International Criminal Court: A Commentary / Ed. by A. Cassese, P. Gaeta, J.R.W.D. Jones. Oxford: Oxford University Press, 2002. P. 1607–1638.
12. Tladi D. The ICC Decisions on Chad and Malawi: On Cooperation, Immunities, and Article 98 // Journal of International Criminal Justice. 2013. Vol. 11. No. 1. P. 199–221.
13. Черниченко С.В. Теория международного права: в 2 т. М.: НИМП, 1999. Т. 1. 336 с.